

АЛЕКСАНДР СМЫШЛЯЕВ

ТАМ, ГДЕ РЕКА АМГУЭМА...

Документальное повествование о героизме

Трудяги Севера – особая порода людей. Там задерживаются только сильные духом и выносливые телом. К тому же Север не терпит крайних индивидуалистов, скряг и стяжателей. Они, конечно, появляются, но быстро исчезают. К сожалению, на смену им приезжают другие подобные, и их мелькание порой сливается в сплошную картинку, и тогда кажется, что они – тоже составная часть Севера. Но это не так, их проблески все-таки коротки. А вот люди настоящие там живут подолгу. Это их работой, их жизнью осваивается и преобразуется Север. И они – настоящие работяги, а зачастую еще и романтики.

Полярные геологи – тоже особая каста. Здесь пойдет рассказ о геологе Владимире Николаевиче Миляеве. Почему-то многие, кто писал о нем, считали, что он был студентом последнего курса института, когда ему выпала честь стать первооткрывателем крупнейшего в стране Иультинского месторождения олова, молибдена и вольфрама. Но студентом он не был, и вообще в институте проучился только год. Он был геологом-практиком, таких специалистов в те годы в стране насчитывалось немало. Вот почему некоторые люди, работавшие тогда, в 1937 году, вместе с Миляевым во Второй Чукотской экспедиции горно-геологического Управления Северного морского пути, говорили, что “перо сказочной жар-птицы досталось не умелому, а счастливому”.

“Не умелому, а счастливому”. Почему так говорили, принижая роль Миляева в открытии Иультина? Да потому, что не знали, как Иультин открывался, как он достался Миляеву. Да, Миляев был тогда относительно молод, ему шел 31-й год, и он был лишь практиком, а возглавлял работу другой геолог, опытный Юрий Одинец, который и отправил Миляева на реку Амгуэму с заданием искать оловянный камень. И Владимир Миляев нашел этот камень, открыл месторождение. Сам открыл. С ним рядом находились только рабочие, из геологов он был один. И вошел в историю. А вот умелому и опытному

СМЫШЛЯЕВ Александр Александрович — геолог, писатель. Родился в 1952 году в Горной Шории (Кузбасс). По образованию геолог и телережиссер. Работал в геологоразведочных экспедициях Сибири, Якутии и Камчатки, затем в журналистике. Член Союза писателей России, член Правления Союза писателей России. Автор книг о Севере и Дальнем Востоке России, лауреат Международной литературной премии “Полярная Звезда” (2012), Камчатской региональной государственной премии в области литературы. Награжден орденом РПЦ Святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского. Живёт в Петропавловск-Камчатском.

Одинцу не повезло, хотя и он вошел в историю, но только как начальник Миляева, хотя при этом был прекрасным человеком и геологом.

Писатель Герман Жилинский описал эту историю в книге “Оловянные горы геолога Миляева” (Магаданское кн. изд-во, 1985). Жилинский тоже был геологом, и Иультинское месторождение в его жизни занимает особое место. Так случилось, что именно ему довелось продолжить дело Миляева – участвовать в дальнейшем изучении и подготовке к освоению Иультина. Он является соавтором работ по обоснованию разведки, подсчету запасов и оценке перспектив этого месторождения. Его монография “Иультинское рудное поле” на протяжении многих лет служила пособием для геологов-разведчиков этого района. Здесь началось его приобщение к серьезной научно-исследовательской деятельности, которой он посвятил все последующие годы, работая в Казахстане, Якутии и снова в Магаданской области.

И все-таки Герман Жилинский в первую очередь геолог, а затем уже ученый и писатель. Просто, без всякой патетики, он написал небольшую книгу о подвиге Владимира Миляева. Бродяга, романтик написал книгу о своем коллеге, тоже бродяге и романтике. Не рассказать об этом невозможно еще и потому, что они жили в славное, интересное время – время полярных бродяг.

1. Веление долга, или Безумство храбрых

Вторая Чукотская экспедиция горно-геологического Управления Северного морского пути начала полевые работы в 1936 году. Начальник экспедиции (он же и начальник Управления) М. Ф. Зяблов тогда впервые привлек для работы с геологами легкую полярную авиацию – самолеты У-2 и Р-5. Численность экспедиции составляла пятьдесят человек. В первый год работы геологи обследовали всю долину реки Амгуэмы и во многих местах открыли небольшие рудопроявления полиметаллов и молибдена. Это послужило основанием для продолжения работ в следующем, 1937 году.

“Осенью 1936 года весь личный состав экспедиции М. Ф. Зяблова отбыл в Москву, – пишет в своей книге Г. Б. Жилинский, – а на смену ему той же осенью прибыли новые люди во главе с геологом Ю. А. Одинцом”.

Владимир Миляев был самоучкой. Он, как уже говорилось выше, только один год проучился в Семипалатинском горном институте, почему многие и называли его студентом, хотя таковым он не был – из института ушел добровольно, чтобы всецело отдаться полевой геологической работе на любимом Памире, в высокогорье. Он любил снег и альпинизм. Там же работал и Юрий Одинец, которому, как опытному геологу-оловянщику, предложили возглавить Вторую Чукотскую экспедицию 1937 года на поиски олова. Одинец согласился и пригласил с собой на Север геологов Владимира Миляева и Ариадну Шпилько, также специализировавшихся на этом металле.

Почему надо было искать именно олово? Да потому что олово – металл войны, консервная банка. Месторождений олова мало на Земле, в Советском Союзе их тогда практически не было. Поэтому искали повсюду, в том числе и на Чукотке. Искали интенсивно.

На Чукотку, в залив Креста, экспедиция Одинца прибыла в сентябре 1936 года. Вот-вот должна была начаться зима, но пока стояли теплые дни, Одинец решил работать. Он сам на самолете вылетел в среднее течение реки Амгуэмы, где с промывальщиком Фарифьяновым брал шлиховые пробы. И в каждой поблескивали знаки золота. Он понял, что олово – оловом, но мимо золота нельзя пройти, поэтому решил отправить в этот район Миляева. Одинец вернулся на базу, оставив на реке промывальщика, а Владимир Миляев уже через час вылетел на Амгуэму с топографом Ганешиным, где они присоединились к Фарифьянову и приступили к работе.

Герман Жилинский детально изучил биографию Миляева и даже нашел братскую могилу на территории Венгрии, в которой похоронен лейтенант Владимир Николаевич Миляев, погибший в бою в декабре 1944 года. Разыскал родственников Миляева и его семью. Валентина Васильевна, вдова Миляева, передала Жилинскому чукотский дневник мужа, в котором описывалась эпопея открытия Иультина.

Вот запись от 12 сентября 1936 года, как раз за день до этого Владимир Миляев и прилетел на реку Амгуэму с базы в заливе Креста:

“С утра пасмурно, слабый северо-восточный ветер (температура ниже нуля), слабый снег. Вскоре перестал. Маршрут в распадок, впадающий слева в Амгуэму (первый распадок после ущелья Амгуэмы). По руслу ручья встречается большое количество валунов гранита, диорита и кварца. До коренных выходов гранита добраться не удалось. По-видимому, они расположены в 15 километрах от впадения ручья в Амгуэму, так как видны светлые осыпи в левом борту ручья. Встречен порфиоровидный гранит. По маршруту оба склона ручья сложены глинистыми сланцами, изредка встречаются кварцевые жилы, кварц в них белого (молочного) цвета, слабоохристый, иногда содержит мелкие вкрапленники сульфидов (пирит, халькопирит). Взяты шлихи № 1, 2, 3. В шлихе № 16 два значка Au (золота). Возвратились в лагерь к 6 вечера”.

13 сентября они продолжили работу, а на следующий день уже не смогли, потому что резко похолодало, даже вода замерзла в кастрюлях. Надо было выбираться на базу. Но как, на чем? Вчера мимо пролетал гидросамолет, их заметил, сделал вираж, но садиться не стал. Уповать ли на авиацию?

Решили выходить самостоятельно, на надувной лодке по реке до стойбища Амгуэма, как наспех инструктировал их Одинец перед отлетом с базы. Но продвижению лодки мешал сильный ветер, дувший с севера, с океана. С трудом прошли один километр и разбили лагерь на левом берегу Амгуэмы.

Утром обнаружили на реке забереги и покрывшиеся льдом озера. И все же решили поработать, хотя при минусовой температуре воды руки при промывке проб быстро коченели, а лоток обледеневал.

К вечеру пошел снег. Ночевали в холоде. К утру землю покрыло снегом, работать стало невозможно. И все же Миляев надеялся на то, что непогода закончится. И правда, во второй половине дня потеплело, началась оттепель. А к вечеру пошел дождь, который не утихал всю ночь и всю первую половину дня 17 сентября. Вода в реке стала быстро прибывать.

Но они работали, пока, стоя против ветра, можно было держаться на ногах. Вечером залезли в мокрую палатку, но мысли о прибывающей воде не давали заснуть.

В пять часов утра сняли лагерь и вновь попробовали сплавиться по реке. Удалось пройти два километра. Разбили лагерь на небольшом островке недалеко от правого берега Амгуэмы.

Из дневника Владимира Миляева:

“К часу дня опять начался сильный норд. Вечером дождь. Промыты пробы в правой бортовой террасе Амгуэмы. В 3 часа дня самолет Катюхова* бросил вымпел.

19 сентября. С утра дождь с сильным ветром норд. С 2-х часов опробовали косу, остров. Ганешин успел проложить еще две точки. Вечером дождь и ветер.

20 сентября. Сильный норд с утра. Иногда снег. Топосъемку вести невозможно. Плыть на лодке по реке в такой ветер нет никакой возможности: и несет против течения, и захлестывает волной”.

21 сентября они подсчитали, что прошли только десять километров. Ветер и снег не утихали, никакой надежды на самолет не было. И они продолжали, как могли, сплавиться по реке на лодке. Одежда не просыхала, постоянно донимал холод. Добром это кончиться никак не могло. Посовещавшись, решили целенаправленно идти до устья Амгуэмы, в поселок Ванкарем, минуя стойбище Амгуэма, из которого чукчи наверняка уже откочевали, и они не найдут там ни пищи, ни тепла.

“23 сентября по реке пошло сало. С трудом перебрались через протоку. Плыть по реке до устья рискованно. Лодка оставлена на правом берегу реки Амгуэмы на верхней террасе между точками топографа, ниже ущелья на 8 км и на 0,5 км ниже сланцев. Под лодкой оставлено: 4 оленьих шкуры, 2 кукуля (овчинный и олений), 3 кастрюли, 1 таз, 1 лоток, 2 пары резиновых сапог, чай, гречневая крупа, консервы рыбные, сахар, какао в порошок, яичный порошок, мука, соль, старые кожаные сапоги, примус.

24 сентября. Пошли пешком вниз по Амгуэме по правому борту, продолжая мензуральную съемку. Груза около трех пудов у каждого. Пройдено 7 километров”.

* Летчик Г. И. Катюхов, который привез В. Миляева и В. Ганешина на реку Амгуэму, а затем искал их, чтобы забрать.

27 сентября налетела пурга. Залегли в палатку. К утру пурга не утихла, но геологи решили идти. Весь инструмент оставили, взяли только продукты, которых осталось “на пять дней, с натяжкой – шесть”.

30 сентября установился полный штиль. “Слабый снег. Все протоки застыли настолько, что свободно переходим их почти в любом месте. Главное русло еще не застыло. Идет шуга. На правом берегу в 11-12 часов дня увидели 5 яранг. В это же время от устья Амгуэмы показался самолет. Приземлился в 5-6 км от нас. Непонятно зачем. Предполагая, что он ищет нас, приготовили палатку и костер. Старались привлечь внимание. Не успели развести костер, как самолет поднялся и пошел вверх по Амгуэме. Скоро возвратился и нас опять не заметил, несмотря на все наши старания. Шел близко к нам над главным руслом, очевидно ища лодку. Ушел на Ванкарем вдоль побережья. Думая, что он снижался возле яранг, пошли к тому месту и заночевали у одной из проток. Пройдено 16 километров”.

И они пошли дальше, к морю, под усиливающимся дождем с мокрым снегом. Надеялись выйти к ярангам или радиостанции, о которой говорил Одинец.

“Вечером туман поредел, и на горизонте, в устье Амгуэмы, увидели триангуляционный знак, приняли его вначале за маяк. Плохо, что нет хотя бы плохонькой карты*. Плохо вообще то, что сборы на работу проводились всего один час. До конца не продумано ничего. Мы даже не узнали, на каком берегу Амгуэмы расположена радиостанция...”

Среди плавника на берегу реки нашли плаху и изготовили из нее что-то вроде саней. Мокрую, тяжелую палатку и оставшийся груз сложили на плаху и потащили по льду. Идти стало легче, но начинал донимать голод. “Единственная пища теперь у нас примерно такова: утром по кусочку или по два колбасы, несколько ложек сухарных крошек и крепкий чай, в полдень рисовая похлебка из одной банки консервов. Вечером крепкий чай”.

По подсчетам до Ванкарема оставалось 62 километра. Это еще несколько дней пути.

3 октября на другом берегу пролива увидели избушку. Решили сделать из плавника плот, чтобы переправиться: вдруг там найдутся какие-нибудь продукты. К тому же переправляться все равно было необходимо, чтобы по косе лагуны Нутаугэ (Миляев назвал ее проливом) прямым путем идти на Ванкарем.

Плавник был мелким, вязали его веревкой, сделанной из собственной одежды и палатки. Плот мог выдержать только одного человека. Первым благополучно переправился Миляев. Добравшись до берега, он пошел в избушку, плохо закрепив плот, и его унесло течением в море.

В избушке нашлись лишь прокисшие тушки гаг и такое же мясо моржа. Ночевал Владимир Миляев в одиночестве в этой избушке. Утром к нему переправились, сделав плоты, его товарищи топограф Василий Ганешин и промывальщик Рахим Фарифьянов. Еще одну ночь они провели в избушке, с отвращением глядя на протухшие тушки гаг и пуская голодную слюну. Но голод не тетка, пришлось есть гаг.

А утром разъяснилось. “В 12 часов дня над берегом вдоль лагуны пролетел Катюхов. Нас не заметил. Продолжаем путь на Ванкарем, питаясь тухлыми утками и лепешками из остатков муки...”

7 октября наткнулись на белого медведя, но разминулись благополучно. А вскоре вышли к палаткам исследовательского отряда Потынского из экспедиции Дитмара*. “Обжорный вечер”, – записал в дневнике Владимир Миляев.

Подкрепившись у Потынского, геологи отправились дальше, и на другой день пришли в Ванкарем. “Во время пути до Ванкарема была интересная мысль о том, что вряд ли будем живы”, – написал Миляев. Но эта фраза в дневнике зачеркнута. Спало напряжение, ушли и плохие мысли.

В Ванкареме они просидели больше месяца в ожидании самолета и лишь 14 ноября смогли вылететь на мыс Шмидта, а оттуда 26 ноября – на свою базу в бухту Оловянную в заливе Креста.

* Тогда еще не было карт всего северо-востока страны, их только предстояло составить.

** Геолог Владимир Георгиевич Дитмар, начальник Чукотской экспедиции Арктического института, так же, как и наши герои, работал на поисках олова.

“Вот так закончился первый полевой сезон Миляева на Чукотке, — пишет автор книги, из которой здесь взяты цитаты, Герман Жилинский. — Начинать полевые работы со второй декады сентября — такого еще не случилось в истории Арктики! Легкомысленное поспешание в делах, требующих осмотрительности и хорошей подготовки, могло привести к трагедии”.

2. А теперь — Иультин

Но Иультинское месторождение олова еще не было открыто, его предстояло открыть в следующем, 1937 году. И об этом рассказывает Владимир Миляев в своем дневнике, а Герман Жилинский — в книге, опираясь на этот дневник.

Г. Жилинский: “К полевому сезону следующего года готовились всю зиму и постарались все предусмотреть вплоть до мелочей... В состав отряда Миляева на этот раз, кроме Фрифьянова, уже проверенного на прочность, вошли еще трое рабочих — Анисимов, Миронов и Рудь. Топограф Ганешин работал в 1937 году самостоятельно”.

Миляев с отрядом выехал на Амгуэму в конце мая на вездеходе, дождался весеннего паводка и на резиновых лодках в середине июня сплавился к устью реки Якитики. Здесь организовали временную базу, на которой постоянно жили Анисимов и Рудь.

В первый рабочий геологический маршрут Владимир Миляев отправился 22 июня. Сделав два маршрута вверх по Якитики, на третий день он решает повернуть в противоположную сторону и пойти к тому месту, где они взяли несколько проб с золотом и другими рудными минералами в прошлом году... Маршрут в эту сторону оказался интереснее, о чем свидетельствуют записи в дневнике, которые стали более подробными, как и описание образцов и проб, которых Миляев стал брать больше. В кварцевых жилах и в пробах начали встречаться рудные минералы.

Постепенно поиски привели Владимира Миляева к Восточно-Иультинскому гранитному массиву, где он обнаружил много даек и кварцевых жил. “Они пошли с рабочим Мироновым все дальше и дальше, ночуют, где застанет ночь, а порой работают сутками и даже дольше, потому что наступил полярный день, — пишет об этом Г. Жилинский. — Часто идут дожди, но это Миляева не останавливает. Он уже интуитивно чувствует добычу”.

Из дневника В. Миляева: “4 июля. Большое количество кварцевых осипей со склонов. Кварц белый, сахаровидный, рудных минералов не встречено. Характер контактов со сланцами. Образец № 38, слюдка. В осыпи в борту распадка (Медвежьего) взят образец лейкократовой полевошпатовой мелкозернистой породы с мелкими кристаллами турмалина”.

Вот оно! Есть кристаллики турмалина! Сердце забилось сильнее.

Вскоре Миляев находит обломки кварцевой жилы с вкраплением кристалликов касситерита и скородита. Это вторая зацепка! Он на верном пути.

И вот день открытия — 6 июля 1937 года. Запись в дневнике:

“Маршрут по распадку, против которого расположена точка 29. Впадает в широкую долину слева (в речку Иультинку). В устье распадка обнаружены глыбы (!) грейзена, содержащие вольфрамит и арсенопирит. Кварцевые глыбы с вольфрамитом и оловянным камнем...”

И далее пишет уже Г. Жилинский: “Вот и свершилось! Так было открыто Иультинское месторождение! Но пока оно безымянное. Название ему Миляев дал потом и потом вписал это название на 33-ю страницу дневника, где описан маршрут того дня, в который было открыто месторождение.

Первая находка крупных глыб богатой руды сняла всякую усталость. Они всюду видели руду, да еще какую! Миляев и его спутники ликовали. А когда немного успокоились, то, сбросив рюкзаки, полезли вверх по склону горы и всюду находили свалы кварца с крупными включениями рудных минералов. Даже по тому, что они видели на поверхности, было ясно — найдено крупное и богатое месторождение.

Когда вдоволь набегались по склонам высокой и крутой горы и убедились, что вся она, от подножия до вершины, пронизана рудными жилами, уставшие, но довольные, собрались вместе и стали решать, что делать дальше”.

А дальше Миляев известил об открытии базу. В августе на Иультин прилетел Одинец, и они вместе составили депешу в Москву с просьбой направить

в залив Креста хорошо оснащенную техникой геологоразведочную экспедицию, чтобы как можно быстрее начать разведку Иультинского месторождения.

Из официальной справки:

“Иультинское месторождение – типичный пример оруденения жильного морфологического типа касситерит-кварцевой формации. Находится в пределах Иультинского рудного узла одноимённого района, в среднем течении р. Амгуэма. Открыто В. Н. Миляевым (Вторая Чукотская экспедиция ГУСМП) в 1937 году. Разработка месторождения началась в 1938 году и продолжалась до 1994 года, после чего оно было законсервировано и перемещено в госрезерв”.

3. Призраки Иультина

После открытия Владимира Миляева на Иультин пришли геологи-разведчики, чтобы выяснить параметры месторождения, запасы и качество оловянно-вольфрамовой руды. Параллельно с непростой и затянувшейся на долгие годы разведкой заключенные строили на берегу залива Креста поселок Эгвекино и вели от него дорогу на Иультин. Дорога давалась трудно – работали вручную, в стужу и пургу, под проливными холодными дождями и комариным летом. В Эгвекино стоит памятник строителям дороги. На нем две фигуры заключенных: один с тачкой, другой с кайлом. Возможно, это единственный памятник советским заключенным, воочию показывающий их тяжкий подневольный труд.

Строительство дороги было начато в 1946 году, закончено в 1953-м. Сразу же после этого стали строить Иультинский горно-обогатительный комбинат. Его пуск состоялся в 1959 году, через год приехал корреспондент газеты “Советская Чукотка”, будущий известный писатель Альберт Мифтахутдинов, чтобы рассказать о строителях и горняках. После этого появилась серия его очерков под общим названием “Иультин комсомольский”. Позже очерки были изданы отдельной книжечкой с тем же названием.

В очерках трудовой героизм переплетается с комсомольским задором молодых строителей и горняков. Пишет Мифтахутдинов не только о пуске комбината, но и вдаётся в историю его строительства. Он превращает очерки в бесценный исторический материал, которым позже пользовались местные краеведы.

Текст очерков пульсирует под умелым пером автора. Описание трудового героизма просто переполняет его. И все это написано короткими, но ёмкими фразами, которые и придают пульсацию и кинематографичность тексту:

“Леденеет дорога. Скользкой коркой покрывается гора. Ребята снова меняют сапоги на валенки или унты.

Строителям еще хуже. После пурги приходится раскапывать площадку, а в мороз возиться с каждым кирпичом, сбивая с него лёд.

Начальство предлагает аккорды (надо навёрстывать упущенное), а комсорг стройки Саша Кожевников начинает каждое собрание с напоминания, сколько дней осталось до пуска комбината [...] На стене – рукописная газета. Постоянно ведётся специальный отдел, центральный в номере. Называется “Штурм горы”. Гора – это, собственно, Иультин. На горе – корпуса фабрики, бетоноцех, цех ремонта горно-обогатительного оборудования. В горе – рудник.

Комсомол штурмует гору. Строит рудник, фабрику и производственные помещения”.

Автор посвятил иультинские очерки XIV съезду ВЛКСМ. А в качестве эпиграфа привел слова из песни молодых строителей Иультина:

*Молодой покоритель чукотских вершин,
Энергичный, отважный, веселый!
Это в силах твоих превратить Иультин
В Светлогорск, образцовый посёлок!*

Тогда иультинцы мечтали назвать свой строящийся поселок городом Светлогорском. Ведь строили светлое будущее Чукотки. К тому же сама гора была белой от кварцевых глыб. Но поселок все же чьей-то волей остался Иультином, что с искаженного чукотского переводится как “Длинная льдина”.

Почему льдина, да еще и длинная, никто так и не узнал. Но к слову “Иультин” привыкли, как и к слову “Эгвекино́т”. Эти поселки связаны автодорогой, построены одновременно, они – родные братья. Но судьбы у них разные.

Эгвекино́т живет и сегодня. Это административный центр Иультинского района Чукотки. А вот самого Иультина больше нет. Точнее, он есть, но стоит пустой, полностью заброшенный, его теперь называют городом-призраком. Отшумела в нем жизнь, оставшись только в воспоминаниях его бывших насельников-тружеников, количество которых доходило в лучшие годы до пяти тысяч человек.

Иультин разделит судьбу сотен других горняцко-шахтерских городков и поселков, разбросанных не только по нашей стране, но и по всему миру. Заканчиваются запасы полезного ископаемого, и уходит из таких поселков жизнь. Тем более на Севере, где на пенсию не проживешь, земля не родит, поэтому следом за молодежью вынуждены уезжать и старики, оставляя обжитые квартиры, а зачастую и всёжитое. И как же щемит им сердца, когда, обосновавшись на материке, в теплых краях, они достают старые фотографии и рассматривают свой поселок, лица друзей. Или же перечитывают Мифтахутдинова, много написавшего об Амгуэме, Иультине и заливе Креста. Писатель словно песню спел этим суровым краям. Песню былой жизни, которая никогда не повторится, потому что жизнь вообще кардинально изменилась. Мало того, что поменялся климат, но и долететь из той же Москвы сюда уже можно на малюсеньком вертолетике, правда, затратив немало времени. Но ведь можно. А когда-то местным полярным летчикам давали за полеты в северном небе высокие государственные награды вплоть до Звёзд Героев. И гибло их много.

В 2013 году по Северу “прокатились” на вертолете “Робинсон” члены московской экспедиции “Россия 360”. Занес их вертолет и в Иультинский район. Вот как описывают поселок Эгвекино́т авторы экспедиционной летописи Игорь Гуржуенко и Виктор Сидельников:

“...Посёлок оказался на редкость ухоженным и приятным. Никаких заброшенных зданий и разрухи. Улицы чистые, здания новые или выглядят, как новые. Но особенно нас поразило другое – тут все дороги из монолитного железобетона! Нет, это не стыренные откуда-то (хорошо, если не с аэродрома) бетонные плиты, уложенные кое-как. Это ровные, как взлётно-посадочная полоса, улицы и тротуары. Не каждый аэродром похвастается таким качеством полосы и рулёжек. Но еще больше поразила размах дорожного строительства! Непрерывно туда-сюда снуют грузовики, множество дорожных рабочих в аккуратных спецовках и касках, новая дорожная техника... Всё кипит и бурлит. И всё из бетона! Оказывается, это не местная компания. Рабочие и техника наняты из различных городов России. Много рабочих из Омска. Откуда деньги на всё это богатство?”

Мы заселились в гостиницу. Не бог весть какая, но чисто и тепло, правда, удобства в коридоре. Мы спрашиваем администратора, где тут магазин, купить что-то, а она говорит: зачем магазин, сходите в кафе, оно тут недалеко... Кафе?! Вот так Эгвекино́т! И правда, в паре сотен метров приличное здание, а в нем кафе. Народу мы, правда, в нем не нашли, но внутри все на уровне, играет музыка, и нас неплохо накормили обедом.

Яркое солнце на улице, тепло, мы сытые и довольные... Есть время прогуляться по улицам этого загадочного посёлка, необычного для Севера процветания. Кто-то из местных нам рассказал секрет. Оказывается, в посёлке базируется Чукотская торговая компания – некая организация, занимающаяся многими видами экономической деятельности, включая золотодобычу. Я уж не знаю, какие договорённости у этой компании с правительством Чукотки, но, похоже, что в Эгвекино́т они вкладывают немалые средства. Поэтому всё с иголочки”.

Вот такое искреннее удивление вызвал Эгвекино́т у залётных москвичей (залётных – в хорошем смысле слова, потому что на вертолете прилетели).

Некая, как они пишут, Чукотская торговая компания действительно базируется в Эгвекино́те. Ее учредитель и владелец – Игорь Павлович Иванов. Сейчас его компания занимается не только торговлей, но и строительством, завозом топлива в поселки. О владельце компании, а он местный житель, здесь с уважением говорят, что “поднявшись на Олимп чукотского предпринимательства, он не “эмигрировал” в Анадырь, а остался верен Эгвекино́ту”.

В поселке — его офис. Еще он меценат, возводит на собственные средства каменную церковь, построил памятник заключенным — строителям Иультинской трассы, занимается благоустройством посёлка и т. д.

Так что живет и здравствует Эгвекинот. А вот Иультина больше нет. Но кто думал об этом в далеком теперь уже 1959 году, когда торжественно открывали горно-обогачительный комбинат, а немногим позже писал об открытии комбината и его работе журналист Альберт Мифтахутдинов? Перед людьми тогда стояла задача достроить поселок и пустить комбинат, чтобы полноценно давать стране олово и вольфрам.

Кто думал об этом и в 1936-м, 1937 годах, когда ценой здоровья, да и жизни геологи искали оловянный камень. И нашли! И страна возвела рудник в вечной мерзлоте, и получила стратегический металл, который пришелся как раз к войне.

Из телеграммы, полученной А. Мифтахутдиновым из Иультина после возвращения в Анадырь, в родную редакцию “Советской Чукотки”:

“Анадырь. Совчукотка. Мифтахутдинову. На Чукотку я приехал в 1949 году. Расту вместе с поселком, который почти стал городом. Государство дало образование, специальность. Зарабатываю сто пятьдесят. Продолжаю учиться в вечерней школе. Купил мотоцикл. Предлагаю создать в поселке мото-клуб. Голосую впервые. За мир, за труд, за коммунизм. Очень счастлив. Спасибо партии, спасибо Родине. Володя Пестов, слесарь-сантехник”.

Они верили в свой Иультин, они жили взахлёб. И писали стихи, как рабочий поэт из Иультина Павел Кузнецов:

*Чтобы детали в пути не устали,
И скорость полёта предела не знала,
Отчизна нуждается в нашем металле,
И нашей Горе его заказала.
Ты помнишь, строитель, еще вчера
Сном непробудным спала Гора,
А у подножья твои топоры
Строили базу для штурма Горы.
Сегодня час пробил. Дорога открыта.
В Горе коммунизма частица зарыта.
Выше темпы страдной поры!
Вперёд, иультинцы, на штурм Горы!*

Сегодня это призраки — и коммунизм, и вера в него, и Иультин с его выпотрошенной Горой. Но остались книги Альберта Мифтахутдинова, книги Германа Жилинского. Осталась память. И хочется воскликнуть: “А пусть завидует нынешнее прагматичное поколение тому, как мы жили! Тому, как мы верили! Тому, как мы стремились к лучшему и светлому! Тому, как мы не уставали! Тому, что в наших душах жила романтика — чистая и настоящая!”

2019 г.
Чукотка, Ванкарем — Петропавловск-Камчатский